

ПРИЧИНЫ РАСПРОСТРАНЕНИЯ РАДИКАЛЬНЫХ И ЭКСТРЕМИСТСКИХ НАСТРОЕНИЙ В ДВОРЯНСКОЙ СРЕДЕ XIX СТ.

На современном этапе развития общества проблема экстремизма становится не просто проблемой государственного уровня, она приобретает глобальный, межнациональный характер. Исторический анализ феномена российского экстремизма приводит к пониманию, что крайние формы поведения в каждую конкретную эпоху во многом определяются особенностями определенного общества и историческим контекстом, в котором они существовали. Исследование истории экстремизма позволит сформировать более четкое представление о его специфике в России, обозначить новые пути его преодоления, избежать ошибок, уже допущенных в прошлом.

Стремительное распространение радикальных идей в России начинается ещё в XIX ст. Причины их популярности среди основной массы населения страны очевидны – нерешенность аграрного и рабочего вопросов, низкий уровень жизни крестьян и рабочих, и как следствие, недовольство данных социальных слоев своим положением и правительством вынуждали их идти на крайние меры борьбы за свои права. Но как произошло, что радикальным и даже экстремистским настроениям оказалась подвержена и политическая элита российского общества, традиционная опора самодержавия, высшее сословие, обладающее исключительными привилегиями, – дворянство?

В последние годы к проблеме экстремизма обращалось немало исследователей. Большинство работ посвящено характеристике современного экстремизма и путям его преодоления [1]. Особое внимание уделяется молодежному и религиозному экстремизму в современной России и его профилактике [2]. Существуют исследования, рассматривающие проблему экстремизма в правовом аспекте [3]. История экстремизма в России, за исключением отдельных исследований регионального характера, практически не изучается [4]. Исключением является новейшая работа Е.И. Щербаковой, посвященная террористам 1860 – 80-х гг. Автор обращает внимание на то, что споры о месте террора в русской революционной традиции обычно вращаются вокруг программ партий или условий их „подрывной работы”, минуя вопрос о личности революционеров. Е.И. Щербакова пытается восполнить этот пробел, и приходит к выводу, что молодых радикалов пореформенной России объединяло одно – они были „новыми людьми”, отличавшимися от окружающих особой системой ценностей, которая превращала их в „отщепенцев”, не имеющих своего места в традиционном обществе [5, 14]. Проблема распространения радикальных и экстремистских настроений в дворянской среде не получила систематизированного исследования в современной историографии.

Общеизвестно, что В.И. Ленин первый этап освободительного движения в России определял как дворянский и относил к нему участников вооруженного восстания декабристов 14 декабря 1825 г. С позиций дня сегодняшнего в движении декабристов можно обнаружить и проявления дворянского экстремизма, поскольку не менее известен их план цареубийства, на которое они готовы были пойти ради достижения своих идеалов. Даже после нескольких лет сибирской ссылки декабристы не отказались от основной цели своего выступления. Так, в донесении №5 от 9 июля 1837 г. сенатор князь Б.А. Куракин сообщал императору о допросе одного из декабристов: „Дело дошло до той цели, которую он и его

сотоварищи поставили себе, т.е. просить у императора конституцию с оружием в руках, чтобы положить границы власти монарха, это он находит простым и очень естественным” [6, 114].

Современные исследователи расходятся в оценках мотивов декабристского движения. В.М. Бокова, склонная к идеализации декабристов, утверждает, что они были готовы к жертве на благо Отечества, но после пролития крови наступило раскаяние. О.Л. Киянская считает главной целью декабристов политическую власть, а Л. Казакевич даже объявляет их „предтечей большевиков”. С.Л. Рудницкая видит в декабристах последователей „революционера на троне Петра I”, а в поражении восстания – мощный толчок к отказу от предыдущего движения России в направлении Европы [7, 645]. При всей дискуссионности данного вопроса очевидно стремление декабристов ограничить власть монарха, усовершенствовать государственное управление: „Еще несколько лет, и все управление было бы у нас в руках. Тогда бы и Николай Павлович не мог нас согнуть так, как он гнул всех в продолжении 30 лет, потому что мы представляли бы действительную власть” [8, 46].

Подтверждение этому демонстрирует и переписка ссыльных декабристов, в которой абсолютно отсутствует характерное для высшего сословия преклонение перед монархом, а напротив, явно обозначается недовольство его безграничными полномочиями. Е.И. Якушкин в одном из писем 1855 г. к жене писал: „Я писал письма на имя Николая Павловича. Эти письма ужасно его раздражали. Раз я к нему написал: „Было время, в Москве стоял на площади болван, да приезжал из орды баскак... Баскак заставлял всех болвану кланяться. Теперь баскака нет, а кланяться всё заставляют. Надо же это когда-нибудь кончить” [8, 46].

Идеи декабристов оказали существенное влияние не только на всё последующее общественно-политическое движение, но и на дальнейший процесс распространения радикальных идей в дворянской среде: „О декабристах я мальчиком слыхал рассказы старших, всегда в одном и том же сочувственном тоне. Любое рукописное стихотворение, любой запретный листок, статья или письмо переписывались и заучивались наизусть” [9, 26]. Были и такие представители высшего сословия, которые рассматривали выступление декабристов как преступление против царя и Отечества: „Наступил памятный в истории России день 14 декабря, внесший в неё прискорбную страницу, обagrивший кровью подножие памятника великого основателя Петербурга и приведшее в ужас его мирных и столь преданных своим государям жителей” [10, 133].

„Апогей самодержавия”, характерный для периода правления Николая I, вызвал ещё большую активизацию общественного движения, значительное место в котором занимали дворяне. Усиление цензуры, ограничение университетской автономии ударило по интересам дворян-литераторов, журналистов, деятелей искусства и науки. Так, критика на пьесу „Куколка”, опубликованная в 1834 г. в журнале „Московский Телеграф”, редактируемый Н.А. Полевым, „дала повод...указать на него как на орган вредный и вольнодумный, не только на этот орган было немедленно наложено запрещение, но и сам редактор его, Николай Алексеевич Полевой, потребован к ответу”: „...К величайшему ужасу всех окружающих, он был схвачен и с жандармом препровожден в Петербург” [11, 572 – 573].

Важным фактором, способствующим распространению радикальных настроений в дворянской среде, было и особое, благородное воспитание высшего сословия. Дворян воспитывали на высоких идеалах рыцарской чести, следования долгу, верности своему слову, твердости, решительности, помощи слабым и угнетенным. Как декабристы, так и дворяне, пострадавшие от николаевских

репресий, как правило, сохраняли верность своим убеждениям и идеалам, несмотря на все трудности тюремного заключения. Так, тот же Н.А. Полевой писал жене из тюрьмы: „Крепкий верою, крепкий своею правотою и совестью, я не боюсь ничего и даже в эту минуту не променяюсь со многими, которые сегодня встали с постели и поскачут по Петербургу в богатых экипажах” [11, 574]. Подобная сила духа и верность идее, выбранной однажды, породила устойчивость радикальных идеалов в кругу высшего сословия, способствовала увеличению числа их последователей.

Революционные настроения распространялись даже среди тех дворян, кто получил строгое воспитание в старом, консервативном духе. Видимо, подобная жесткость давала обратный эффект: дворянину, уставшему от беспрекословного повиновения, хотелось протестовать. Так, П.Д. Боборыкин вспоминал: „На что уж наш дом был старинный и строгий: дед-генерал из „гатчинцев”, бабушка - старого закала барыня, воспитанная ещё в конце XVIII века! И в таком-то семействе вырос младший мой дядя, Н.П. Григорьев, отданный в Пажеский корпус по лично выраженному желанию Николая и очутившийся в 1849 г. замешанным в деле Петрашевского, сосланный на каторгу, где нажил медленную душевную болезнь” [9, 32].

В середине столетия ещё более возросло дворянское недовольство политикой самодержавия, что было во многом обусловлено непопулярностью Крымской войны: „Самое маленькое меньшинство видело в Крымской кампании приближение краха всей николаевской системы. Но кругом – в дворянском обществе – ещё не раздавалось громко осуждение всего режима. Это явилось позднее, когда после смерти Николая началось освободительное движение, не раньше, однако, 1857 – 1858 гг.” [9, 88].

В 1860-х гг., с зарождением революционного движения, началом „великих реформ” Александра II, направленных на подрыв устаревшей феодальной системы – основы благосостояния высшего сословия, количество дворян с антимонархическими взглядами ещё более возросло: „В те годы ветер стал дуть, как и теперь, в сторону „переоценки всех ценностей”: и государственно-общественных устоев, и экономических, и нравственных идеалов, и мышления, и литературно-художественных идей, запросов и вкусов” [9, 172]. Если в 1820 – 30-х гг. открыто критиковать самодержавие могли только декабристы, которым, как говорится, терять уже было нечего, то в 1860 – 70-х гг. такие дворяне появились и в политической элите российского общества. Так, о князе Н.А. Лобанове-Ростовском граф С.Д. Шереметев вспоминал: „Он весьма определенно, откровенно и прямолинейно шёл „против течения” 60-х годов, резко и язвительно отзываясь о великом князе, порицая все направления царствования, и указывал на стремление многих – и весьма сознательное – двинуть Россию по пути, враждебному монархическому строю, на пристрастный и столь же сознательный поход против дворянства, прикрываемый благонамеренным попечительством о благе крестьянского населения...” [12, 94].

Распространению радикальных настроений в дворянской среде способствовали передовые идеи В.Г. Белинского, А.И. Герцена, Н.П. Огарева, Н.Г. Чернышевского, а также активная пропаганда революционных организаций. С 1 июля 1857 г. Герцен начал издавать за границей знаменитый „Колокол”. Популярность „Колокола” росла от номера к номеру. Он проникал не только в Петербург и Москву, но и на окраины России. „Влияние твое безмерно, – писал Герцену в начале 1858 г. К.Д. Кавелин. – Молодежь на тебя молится. Твоим „Колоколом” грозят властям” [13, 77]. Другой центр освободительного движения сложился к 1859 г. в Петербурге вокруг журнала „Современник” под идейным руководством Н.Г. Чернышевского и Н.А. Добролюбова. Средства массовой

інформації, издаваемые радикалами, оказывали огромное влияние на общество, в том числе и дворянское. В 1860-х гг. в переписке современников появляются такие сообщения: „Профессора Калиновского задержали, осмотрели, ничего не нашли и уже отпустили в Вильно к родным. Кажется, опасаются, что лица, посещавшие Герцена, провозят письма и прокламации; их раздевают и осматривают очень строго” [14, 18].

Многие дворяне, входившие в террористические организации последней трети XIX в., являлись бывшими студентами, самым взрывоопасным социальным слоем, наиболее подверженным пропаганде. Условия жизни студенчества усугубляли недовольство правительством, массовые отчисления из университетов „за неимением средств на обучение” вызывали озлобленность и агрессивность: „Одевалось студенчество кто во что, и нередко на четырех квартирантов было две пары сапог и две пары платья, что устанавливало очередь: сегодня двое идут на лекции, а двое других дома сидят; завтра они пойдут в университет” [15, 112].

Показателен в этом отношении пример выходца из мелкопоместных дворян Саратовской губернии Д.В. Каракозова. В 1864 г. он был отчислен из Московского университета „в виду невзноса платы за право учения”. Практически сразу после отчисления он становится членом „Организации” и стоящего над ней, строго законспирированного ишутинского кружка „Ад”. Избранные, попавшие в этот кружок, должны были выполнять двойную функцию – осуществлять контроль за деятельностью революционеров и антиправительственный террор. Девизом было избрано знаменитое – цель оправдывает средства. Целью объявлялся социальный переворот, средством – террор – „систематические царубийства” до тех пор, пока напуганное правительство не согласится „устроить государство на социальных началах” [5, 71]. 4 апреля 1866 г. Д. Каракозов совершил покушение на Александра II, за что был арестован и казнен. По делу Каракозова проходило ещё несколько молодых дворян – П.А. Мусатовский, Л.Е. Оболенский, Н.П. Странден.

В последние десятилетия XIX в. примеры экстремизма в дворянской среде становятся повсеместными. Один из организаторов „Народной воли” А.А. Квятковский, выходец из семьи томского дворянина, принял деятельное участие в подготовке покушения А.К. Соловьева на Александра II 2 апреля 1879 г., за что был приговорен к смертной казни. Дворянин С.М. Кравчинский 4 августа 1878 г. убил главноуправляющего III отделением, шефа жандармов Н.В. Мезенцева, Л.Ф. Мирский – участвовал в покушении на шефа жандармов А.Р. Дрентельна, дочь петербургского губернатора С.Л. Перовская руководила отрядом металлщиков при последнем покушении на Александра II 1 марта 1881 г.

Таким образом, истоки дворянского радикализма и экстремизма можно обнаружить ещё в движении декабристов. Основными причинами дальнейшего распространения подобных идей в дворянской среде стали: постоянно возрастающее недовольство высшего сословия самодержавием, особенно усилившееся после отмены крепостного права, стремление дворян усовершенствовать государственное управление, влияние революционной агитации и пропаганды, особенности дворянского воспитания в духе верности своим идеалам, нарастание агрессивности в дворянской среде в связи с разорением значительной части сословия, воздействие обучения в высших образовательных учреждениях на дворянский менталитет. Специфические особенности дворянского экстремизма, его цели, формы, методы, последствия требуют отдельного исследования.

2. Сериков А. В. Молодежный экстремизм в современной России: динамика и отражение в общественном мнении у студентов (на примере Ростовской области): автореф. ...канд. социол. наук. – Р.н/Д, 2005.
3. Упоров И. В. Политический экстремизм в России начала XX в. и его влияние на регулирование уголовного наказания в виде лишения свободы // Общество и право. – 2004. – № 2.
4. Махтаев М. Ш. Революционный экстремизм и военные юга России (вторая половина XIX- нач. XX вв.) // Линия судьбы: сб. ст., очерков, эссе; сост. В. Л. Телицын. – М., 2007.
5. Щербакова Е. И. „Отщепенцы”. Путь к терроризму (60 – 80-е гг. XIX в.). – М., 2008.
6. Декабристы: неизданные материалы и статьи / Под ред. Б.Л. Моздалевского. – М., 1925.
7. Декабристы: актуальные проблемы и новые подходы / Отв. ред. О.И. Киянская. – М., 2008.
8. Декабристы на поселении. Из архива Якушкиных. – М., 1926.
9. Боборыкин П.Д. За полвека. Воспоминания. – М., 2003.
10. 14 декабря 1825 г. Из записок генерал-лейтенанта В.И. Фелькнера // Русская старина. – 1870. – №2.
11. Запрещение журнала „Московский телеграф” // Русская старина. – 1870. – №2.
12. Мемуары графа С.Д. Шереметева. – М., 2004.
13. Троицкий Н.Д. Царские суда против революционной России. – Саратов, 1976.
14. Государственный архив Российской Федерации. – Ф. 815. – Оп. 1. – Д. 472.
15. Гиляровский В.А. Москва и москвичи. – М., 1979.

О. Михайлюк

АГРАРНЕ ПЕРЕНАСЕЛЕННЯ В УКРАЇНСЬКИХ ГУБЕРНІЯХ РОСІЙСЬКОЇ ІМПЕРІЇ ПОЧАТКУ ХХ СТ.

Кризові явища в сільському господарстві Російської імперії на початку ХХ ст. зазвичай пояснювалися селянським „малоземеллям”, причиною якого було поміщицьке землеволодіння, залишки феодалізму в аграрному секторі тощо. Так вважали самі селяни, так вважала громадська думка того часу, так вважає і більшість сучасних дослідників. Проблема аграрного перенаселення підіймалася в роботах, як правило, авторів „консервативного” напряму дореволюційного періоду, спорадично поставала у працях радянських істориків [див. 1; 2; 3 та ін.]. Останнім часом ця проблема знаходить дедалі більше відображення у дослідженнях [4; 5; 6; 7 та ін.].

Слід відзначити, що ідея малоземелля як основного змісту аграрного питання народилася в полеміці російських лібералів 70 – 80-х рр. XIX ст. [8, 6]. За словами відомого економіста-аграрника Н.П. Макарова, не визнавати малоземелля вважалось рівносильним визнанню справедливості існуючих політичного ладу і соціальних відносин. При цьому принципи протиставлення і нерозуміння умов та економічного значення інтенсифікації сільського господарства, поєднане зі страхом, що земельне питання хочуть чи можуть „замовчати” – типове для настроїв російського суспільства як у широких його партійних і позапартійних колах, так і в економічній літературі [9, 9]. Зрівняльний розділ землі набув самодостатнього значення. Він як би відірвався від усєї сукупності складної аграрної проблеми, втратив зв’язок з іншими питаннями сільського господарства.